

Непонятно, почему в научно-критической литературе о Радищеве принято утверждение, будто в «Путешествии из Петербурга в Москву» совсем «отсутствуют описания природы».⁶

5

Мало внимания обращалось исследователями на образительные средства языка «Путешествия», в частности на его эпитеты. Между тем самый выбор эпитетов обличает в Радищеве замечательного художника, умеющего (хотя и не всякий раз) найти самое меткое, незаменяемое, единственно нужное слово.

Так, он говорит о «трепетном молчании» придворных, о «косом виде неудовольствия» их. У них «искаженные взоры, в коих господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть». Характеризуя их же, Радищев употребляет эпитет, принятый впоследствии Пушкиным: «Тусклый огонь ненасытности». Он говорит о «пресмыкающемся искусстве» придворных художников и поэтов, не осмеливающихся «возводить свои взоры выше очерченной обычаем округи» («Спасская полесь»).

Писатель презрительно отзываясь о «компании молодых господчиков» («Тосна»), о господах, насыщающих «праздний свой голод» на званых обедах («Спасская полесь»), об их «расслабленных желудках» («Выдропуск»), о «хвилах, робких и подлых душах», которым сродно «содрогаться от угрозы власти и радоваться ее приветствию» («Зайцово»).

Им противопоставляются люди с «упругими душами» («Крестьяны»), особенно люди из народа, крепостные крестьяне, сильные духом, но подавленные рабством, «стоглавное зло» которого клеймит Радищев («Хотилов»). Крепостные — это «пленники в отечестве своем» («Городня»), но они бесконечно превосходят господ чистотой своей морали, как например едровская Анюта с ее «незастенчивой невинностью» («Едрово»).

Остановимся еще на нескольких примерах удачных эпитетов, найденных Радищевым. Он пишет: «отягченные (после сна, — С. Е.) взоры» («Чудово»), «ползущая гордость» («Новгород»), «непоколебимое равнодушие» кладбища («Слово о Ломоносове»), «нелепые кучи камней» (о пирамидах в главе «Хотилов»), «любопытное шумление» дубравы («Спасская полесь»), «черная тяжесть» облаков («Чудово»).

⁶ См., например: Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII в. Изд. 2-е, Учпедгиз, 1951, стр. 567. — В 3-м издании (стр. 466) это утверждение смягчено: «Вопреки жанру книги, в ней почти отсутствуют описания». — Прим. Ред.